

Ратников Кирилл Владимирович

**ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИСТЕМЫ ЛЮБОМУДРИЯ:
ВЛИЯНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. М. КАРАМЗИНА НА РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО
С. П. ШЕВЫРЕВА**

В статье дается анализ воздействия, оказанного на становление интеллектуальной, научно-образовательной и просветительской доминанты мировоззрения С. П. Шевырева в ранний период его творчества основными положениями идейной программы Н. М. Карамзина, содержащимися в его журнальной публицистике и поэтических произведениях рубежа XVIII - XIX веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 114-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

странство войны соотносится с пространством хаоса / загробного мира. Метафорическая модель БИТВА - ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, образы птиц, питающихся падалью, мотив смертоносности стихий наследуются современной англоязычной военной поэзией из героического эпоса древности и средневековья и могут быть объяснены с опорой на соответствующих мифологические системы.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975.
2. Матюшина И. Г. Древнейшая лирика Европы. - М.: РПГТУ, 1999. - Т. 1.
3. Проскурин С. Г. Мифопоэтический мотив «Мирового дерева» в древнеанглийской языке и англосаксонской культуре (концептуальный анализ) // Логический анализ языка. Культурные концепты. - М.: «Наука», 1991. - С. 124-129.
4. Сабанеева М. К. Художественный язык французского эпоса: опыт филологического синтеза. - СПб., 2001.
5. Сазонова Л. И. Комментарии // Слово о Полку Игореве. 800 лет. - М., 1986. - С. 46-69.
6. Старшая Эдда. Прорицание Вёльвы [Электронный ресурс]: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/volusp.htm>. - Режим доступа: свободный.
7. Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия // Поэзия скандинавов. - СПб.: Наука, 2004. - С. 77-130.
8. Тиунова С. П., Рабкина Н. В. Баллады Британии. British Balladry: Учебно-методическое пособие. - Кемерово, 2005.
9. Eye-Witness Accounts of the Great War. - Ieper, 2007.
10. First World War Poetry. - Wordsworth Editions, 1995.
11. PAW - Poets Against War [Электронный ресурс]: www.poetsagainstawar.com. - Режим доступа: свободный.

ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИСТЕМЫ ЛЮБОМУДРИЯ: ВЛИЯНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. М. КАРАМЗИНА НА РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО
С. П. ШЕВЫРЕВА

*Ратников К. В.
Челябинский государственный университет*

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Загидуллиной М. В. и к.ф.н., доц. Фатеевой И. А.

В статье дается анализ воздействия, оказанного на становление интеллектуальной, научно-образовательной и просветительской доминанты мировоззрения С. П. Шевырева в ранний период его творчества основными положениями идейной программы Н. М. Карамзина, содержащимися в его журнальной публицистике и поэтических произведениях рубежа XVIII - XIX веков.

Среди русских поэтов-романтиков, представителей группы любомудров, активно стремившихся придать своему творчеству углубленное философское содержание, одно из наиболее видных мест принадлежит Степану Петровичу Шевыреву (1806 - 1864), чьи многочисленные поэтические опыты середины 1820-х - начала 1830-х годов представляют собой яркие и весьма интересные образцы отечественной философской лирики, давно уже ставшие объектом пристального изучения таких крупных филологов и историков литературы, как М. А. Аронсон, Л. Я. Гинзбург, Е. А. Маймин, Ю. В. Манн, А. М. Песков и ряд других специалистов по романтической эстетике. Но, к сожалению, из поля зрения большинства исследователей творчества Шевырева практически полностью выпал ранний этап его литературного пути - очень интенсивный по своей динамике период ученичества, настойчивых попыток выработки собственной поэтической манеры, непосредственно предшествовавший по времени началу тесного взаимодействия Шевырева с Обществом любомудрия. Этот пробел в имеющихся знаниях о специфике раннего творчества Шевырева значительно обедняет картину подлинного многообразия его художественных исканий и является тем более досадным, что как раз на эти годы, 1818 - 1823, когда юный Шевырев обучался в Благородном пансионе при Московском университете, приходится формирование тех интеллектуальных интересов и предпочтений, которые в последующем обусловили целенаправленное сотрудничество начинающего поэта с любомудрами. Данная статья ставит своей задачей выявление ведущих предпосылок умозрительно-философской составляющей творчества Шевырева в первой половине 1820-х годов, установление источников влияния на его литературные взгляды той поры.

В автобиографии, подготовленной осенью 1854 года для двухтомного «Биографического словаря профессоров и преподавателей императорского Московского университета», изданного к столетнему университетскому юбилею в январе 1855 года, Шевырев, повествуя (в третьем лице) о своих детских годах, проведенных дома, в Саратове, еще до приезда в Москву и поступления в пансион, отметил большую роль, которую сыграли произведения Карамзина-литератора в первоначальном развитии его духовного мира: «Занятия словесностью были любимые. Рано читал он Сумарокова, Хераскова и с особенным удовольствием повести Карамзина» [Шевырев 1855: 604]. Обучаясь в университетском пансионе, Шевырев постоянно пользовался богатой библиотекой, включавшей в себя, среди прочей отечественной и зарубежной периодики, также и все карамзинские издания - годовые комплекты «Московского журнала», «Вестника Европы», альманахи «Аглая» и «Аониды». Очевидные следы влияния просветительской концепции Карамзина, стержневым элементом которой была пропаганда наук и разъяснение необходимости широкой популяризации гуманитарных знаний, легко обнаруживаются в первом выступлении 17-летнего Шевырева в печати в качестве публициста

на страницах «Вестника Европы» (основанного, кстати сказать, именно Карамзиным) - в пространной речи «О влиянии поэзии и красноречия на счастье гражданских обществ», произнесенной юным оратором 14 апреля 1823 года в торжественном собрании пансиона по случаю выпуска воспитанников, окончивших курс обучения. Еще вполне ученическая по форме, речь Шевырева проникнута неподдельно высоким пафосом прославления наук, их патриотического потенциала и великой пользы, которую они способны оказать дорогому для сердца оратора Отечеству: «Для чего все занятия, опыты, науки, как не для того, чтобы служить ему, служить своим согражданам посредством всего, что составляет силу, благо и приятность, что, способствуя к исполнению гражданских наших обязанностей, украшает жизнь нашу мирными и чистыми удовольствиями? Таковы плоды наук изящных, поэзии и красноречия, плоды, столько спасительные, столько действующие на благо человека частное и общее...» [Шевырев 1823: 251]. Выказанные Шевыревым риторические положения отчетливо перекликаются с программными тезисами, развернутыми в публицистической эпистоле Карамзина «Филалет к Мелодору», напечатанной во второй части альманаха «Аглая» еще в 1795 году и оказавшей столь памятной для юного Шевырева. Устами любителя истины (так буквально переводится с греческого «говорящее имя» Филалета) Карамзин патетически доказывает благотворность действия наук как на каждого отдельного человека, так и на общество в целом: «Нет! Светильник наук не угаснет на земном шаре. Ах! Разве не оне служат нам отрадою в горестях? Разве не в их мирном святилище укрываемся от всех бурь житейских? <...> Просвещение всегда благотворно; просвещение ведет к добродетели, доказывая нам тесный союз частного блага с общим и открывая неиссякаемый источник блаженства в собственной груди нашей; просвещение есть лекарство для испорченного сердца и разума; одно просвещение живоделительною теплотою своею может иссушить сию тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвит всё изящное, всё доброе в мире; в одном просвещении найдем мы спасительный антидот для всех бед человеческих!» [Карамзин 2002: 197]. Кроме того, пассажи шевыревской речи воспринимаются как своеобразное прозаическое переложение фрагмента поэтического посвящения Карамзина «Мишеньке», опубликованного в 1791 году в «Московском журнале»: «Я пел хвалу наукам, / Которые нам в душу / Свет правды проливают; / Которые нам служат / В час горестный отрадой» [Карамзин 1966: 81].

Еще более близкое соответствие с карамзинской апологией наук и контраргументацией, направленной против врагов просвещения, имеет другое место в речи Шевырева: «Сколько раз все вообще науки, которых пользу свидетельствуют и великолепные грады, возникшие среди необитаемых пустынь, и величественные здания, порядок, устройство, сила, спокойствие, обилие и примеры великодушия и любви к Отечеству, сколько раз науки, говорю, начало и источник нашего блага, соделывались орудием злобы, мщения и коварства! - Неужели должно обвинять их? - Не науки, а злоупотребление наук должно быть по всей справедливости обвиняемо современниками и потомством» [Шевырев 1823: 253]. Этот искусно примененный риторический прием доказательства от обратного заставляет вспомнить подобный же ход рассуждения в важнейшей идейно-эстетической декларации Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении», напечатанной в 1794 году в первой части «Аглаи»: «Так! просвещение есть палладиум благонравия - и когда вы, вы, которым Вышняя власть поручила судьбу человеков, желаете распространить на земле область добродетели, то любите науки и не думайте, чтобы они могли быть вредны; чтобы какое-нибудь состояние в гражданском обществе должно пресмыкаться в грубом невежестве - нет!» [Карамзин 2002: 186]. Полемическое построение доказательств в декларации Карамзина в свою очередь восходит к программной статье его прежнего духовного наставника Н. И. Новикова, открывшего редактировавшееся им «Московское периодическое издание» в 1781 году красноречивым рассуждением в защиту наук: «Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства - знание. Но, может быть, скажут покровители и защитники необделанной грубости, что мы видим весьма многих ученых, которые более предаются порокам и заблуждению, нежели самые грубые невежды, и что вся мерзость, какая только находится на земном шаре, да и самое неверие или безбожие суть плоды учености. Так, конечно: но сие не от наук происходит, но от невежества в науках» [Новиков 1951: 407]. Таким образом, при косвенном посредничестве Карамзина юный Шевырев оказался приобщен к просветительской и нравственно-воспитательной линии развития русской общественной мысли и литературы.

Унаследованный от предшествующей идейно-эстетической традиции одический пафос воспевания наук как наиболее действенного средства укрепления общественной нравственности громче и отчетливее всего звучит в медитативно-декламационной оде Шевырева «Человеколюбие», созданной им всё в том же в 1823 году и публично прочитанной в торжественном университетском собрании 4 июля: «Науки - благ венец и счастья залог! / Они сближают нас с родными небесами; / Они гласят: «Есть правда, вечность, Бог!» / Они наш дух над всем ничтожным возвышают, / Они нам жизнь дают, они нас украшают. / Их свет, как солнца свет, повсюду блага лет; / Чрез них пространный мир цветет, / И мудрость кроткая с религией священной / Предходят сонму их и правят во вселенной!» [Шевырев 1823а: 291].

В данном случае обращение Шевырева к поэтической форме являлось не просто реализацией лирического дарования автора, а напрямую проистекало из концептуального понимания общности просветительской функции наук и искусства. Это понимание неразрывной взаимосвязанности интеллектуального и духовного начал гуманитарной культуры Шевырев четко обосновал в своей актовой речи, провозгласив, что «поэзия и красноречие поселяют в человеке высокое чувство любви к наукам, столько благотворным в общении. Поэзия есть предшественница почти всех наук, она возвращает первые семена образования, впоследствии времени дарующие обильную жатву; она есть тихая светлая заря просвещения» [Шевырев 1823: 251].

Для уточнения генезиса идеологии любомудрия в творчестве молодого Шевырева первостепенное значение имеет тот факт, что впервые сам этот термин был употреблен им еще в актовой речи 1823 года, то есть до начала непосредственного взаимодействия с литературной группой Д. В. Веневитинова. Разрабатывая ораторскими методами тему совместного воздействия изящных искусств на общественную жизнь людей и процессы культурного творчества, Шевырев, опираясь на карамзинскую апологетику науки как ценности высшего уровня, указывает на существующую внутреннюю «связь красноречия и поэзии с философией как со всеобщей наукою, имеющею непосредственное влияние на счастье гражданских обществ. В самом деле, какая наука являет нам все высокие образцы истины и блага в чертах более разительных и священных, как не любомудрие? Оно определяет законы человека и природы; оно показывает взорам мыслящего все сокровенные тайны мироздания и объясняет человеку его истинное предназначение; оно, как солнце, оживляющее всю сферу наук, изливает на них благодатный свет свой; где нет его, там всё мрачно, всюду заблуждения и несовершенства» [Шевырев 1823: 260]. Итак, ключевое понятие «любомудрие» произнесено юным оратором в общем контексте, обусловленном знакомством Шевырева со взглядами Карамзина. Это позволяет с полным основанием восстановить пропущенное звено при анализе преемственных влияний на формирование идейно-эстетических принципов Шевырева в начале 1820-х годов: исходным импульсом для ориентирования его творчества на философскую и - шире - просветительскую тематику стала именно гуманитарная программа Карамзина.

Однако литературный статус Шевырева как крупного представителя философского направления в поэзии русского романтизма определялся в последующие годы уже не столько этой преодоленной в конечном счете зависимостью от первоначального влияния, сколько глубиной оригинального, самостоятельного переосмысления разнообразного комплекса философских проблем, что наглядно отразилось и на интерпретации им роли научного знания в духовном развитии человека. Не случайно поэтому тема науки как основы натурфилософского познания мира заняла центральное место в поэтической декларации Шевырева «Я есмь», увидевшей свет в альманахе «Уrania на 1826 год» и положительно оцененной такими безусловными авторитетами, весьма далекими от карамзинской идейной традиции, как Е. А. Баратынский и А. С. Пушкин: «Сим гласом жизни и свободы / Наук воздвигнут светлый храм, / Открыты тайны в нем природы, / И светит истина очам. / Там мудрость малый сонм предводит / Любимцев избранных ея / И по ступеням бытия / К началу вечному возводит» [Шевырев 1998: 46]. Публикацией философской оды «Я есмь» период литературного ученичества Шевырева успешно завершился, но самим интеллектуально-философским характером направленности своего зрелого творчества он оказался во многом обязан воспринятому в юности плодотворному воздействию своего идейного вдохновителя - Карамзина.

Список использованной литературы

1. Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Н. М. Карамзин. – М.; Л.: Советский писатель, 1966. - 424 с.
2. Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика / Н. М. Карамзин. - М.: Жизнь и мысль, 2002. - 480 с.
3. Новиков Н. И. Избранные сочинения / Н. И. Новиков. – М.; Л.: Гослитиздат, 1951. - 744 с.
4. Шевырев С. П. О влиянии поэзии и красноречия на счастье гражданских обществ / С. П. Шевырев // Вестник Европы. - 1823. - № 8. - С. 245 - 263.
5. Шевырев С. П. Человеколюбие / С. П. Шевырев // Вестник Европы. - 1823. - № 12. - С. 286 - 294.
6. Шевырев С. П. Автобиография / С. П. Шевырев // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета: В 2 т. - М.: Изд-во Московского университета, 1855. - Т. 2. - С. 603 - 626.
7. Шевырев С. П. Я есмь / С. П. Шевырев // Уrania, карманная книжка на 1826 год. - М.: Наука, 1998. - С. 45 - 47.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОМЕТ В СУБСТАНДАРТНЫХ СЛОВАРЯХ (СОЦИОЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Рябичкина Г. В.

Астраханский государственный университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Таракановой Л. А. и к.ф.н., доц. Емельяновой Н. А.

В статье, в рамках социолексикографического анализа, приводится систематический анализ помет, использованных в словаре «A dictionary of slang and unconventional English» Э. Партриджа.

Одной из важнейших задач социолексикографии - науки, объектом которой выступают словари нестандартной лексики и фразеологии - является выявление основных специфических, а также общелингвистических характеристик субстандартных лексических единиц, детально отраженных в словарной статье. Регулярность и стереотипность такого лексикографического отражения в толковых словарях лексического субстандарт лингвистических и социолингвистических особенностей нестандартной лексики достигается с помощью соответствующей системы словарных помет, обычно представленных в сокращенных формах и в виде условных знаков и символов.

Цель настоящей статьи - выявить систему помет, используемых Э. Партриджем в своем фундаментальном и образцовом для субстандартной лексикографии словаре «*A Dictionary of Slang and Unconventional*